

РАЗРЫВ СВЯЗИ

Документальный фильм Андрея Лошака

This film, supported in part by U.S. Agency for Global Media, premiered June 19, 2022.

[Настоящее Время](#) – телеканал, созданный RFE/RL при участии "Голоса Америки".

These selected segments for Russian language courses at Cornell University were prepared by Viktoria Tsimberov with permission from Andrey Loshak and Настоящее Время (requested, pending).

Segment 1: Рената, Винера, Андрей Лошак

time points refer to the original full version of the film at:

<https://www.youtube.com/watch?v=5gmQs2LbnaE>

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Рената (врач-педиатр, дочь Винеры): Я проснулась 24-го. У меня работа начиналась в 12, и сразу зашла смотреть новости там в Телеграмме или в Контакте, и вот было то, что спецоперация там на Украину. Я, вообще, офигела. Я побежала в YouTube смотреть ролики. (1:41-2:12)

Телевидение: Вот ещё летят. Уже штук 20 пролетело. Не видно украинского герба - точно российские.

... Я почувствовала себя очень виноватой, потому что в тот же день... у меня есть... ну просто знакомый мальчик на Украине. Он выложил историю, где горит его дом и подписал: «Ренат, смотри, что твоя армия сделала с моим домом». И я тогда на приеме, ну принимала детей в... на работе в поликлинике. Я вышла в туалет, я начала плакать, и вот это чувство вины, то, что я ничего не делала и не делаю. Ну да, я чувствую себя ответственной и виноватой за это до сих пор. (2:31-3:08)

БАЛТИЙСК. КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ.

Винера (школьный завуч, мать Ренаты): Я послушала президента, то, что он сказал. Ну, и поняла, что, видимо, им виднее, как нужно поступать в такой ситуации, и согласилась с этим, что всё, что они сделали – сделали правильно. (3:10-3:25)

Обращение президента Российской Федерации, В. Путина: «8 лет, бесконечно долгих 8 лет, мы делали всё возможное, чтобы ситуация была разрешена мирными, политическими средствами, но всё напрасно. (3:28-3:35)

Винера: Тем более он сказал, что, ну, в Великую Отечественную войну, мы как бы опоздали начать сами, поверив в то, что нам обещали, а вот здесь мы не могли это допустить, поэтому мы выступили первыми. Просто война, в моём понимании, это очень страшное явление. (3:36-3:56)

Голос за кадром: Нам одиноко, кажется, что все вокруг сошли с ума, изрисовались новой свастикой и заставили нас спрятаться где-то внутри себя. И в этом одиночестве мы остаёмся один на один с невыносимым чувством вины. Это чувство несоразмерно человеку. Наше огромное государство творит чудовищные вещи, а мы по одиночке пропускаем всё это через себя. Давайте сегодня обсудим, действительно ли мы настолько одиноки. (20:40)

Рената (врач педиатор): Вообще мой день начинался две недели с того, что я просыпалась, глядела видео на YouTube, плакала и шла на работу. И так было, наверно, две недели, и когда я пришла так на работу, мне сказали: «А чего ты плачешь? Там, что твои родственники живут?». Я говорю: «Нет, но люди умирают. Ну, я... Как это? 21-й век?» И они так: «Ну, это же не твои родственники, чего, вообще, плакать?» Я тоже на этом моменте расплакалась, на работе, да.

Андрей Лошак: Это ваши коллеги-врачи, да? (21:08)

Рената: Да. Ну, то есть, вообще, тотальное непонимание какое-то, и как-будто я осталась одна, и вот я схожу с ума потихоньку от того, что происходит, а всем остальным нормальным -им ничего не происходит.

Рената: Врач... Я как-то ходила на вызов к ребёнку, и там у него вся семья плакала. А потом, когда мы с мамой разговорились, она сказала, что знакомый поехал на Украину, его там убили. Теперь будут похороны. И мне стало так плохо опять. Я так думаю: «Господи, это ж моего возраста люди, они просто только начали жить, и их непонятно за что убивают там». (21:40)

Винера (мать Ренаты): Мы воюем с НАТО, я так понимаю, руками украинских военных, видимо.

Андрей Лошак: Зачем это нужно НАТО, как вы думаете? (21:52)

Винера: Ну, для того, чтобы разделить наше государство на маленькие княжества и пользоваться нашими природными ресурсами. Вот вы как думаете, почему они с нами воюют? Они нам завидуют, они нас боятся. Почему хотят?... особенно меня поражает вот эта вот ненависть, которая проявилась везде и всюду против нас. Мы что такая воинственная, агрессивная нация? Мне кажется, нет. (22:17)

Андрей Лошак: А чему вот эти страны НАТО завидуют? (22:21)

Винера: Ну, во-первых богатствам, видимо, которых у нас неисчерпаемое, на данный момент ещё, количество. Ну, мне кажется, и нашему народу, который всё-таки мыслит несколько по-другому, чем Западная Европа и чем Америка. Не только какими-то материальными благами, а какими-то ещё более ценностями духовными, может быть. (22:43)

Андрей Лошак: Короче, духовные мы? (22:44)

Винера: Ну, мне кажется, да. (22:47)

Конечно, хотелось бы жить лучше, иметь более высокие зарплаты. Вот, допустим, работая в школе учителем, конечно, мне кажется, могли бы мы жить лучше, если бы больше заботились о жителях, о народе своей страны, а не уходило всё куда-то вот этим чиновникам и во все остальные какие-то организации. (23:12)

Андрей Лошак: Война, кстати, тоже не дешёвое занятие.

Винера: Да, я понимаю, да. Война тоже не дешёвое занятие.

Андрей Лошак: Видели, как теперь эти города выглядят? Их же как-то восстанавливать надо будет.

Винера: Да, видимо, нам. Ну, я мужу сказала: «Поедешь восстанавливать в Мариуполь, мосты».

Андрей Лошак: А вы готовы к тому, что в результате этих военных действий жизнь ухудшится? И, вообще, как вы к этому относитесь? (23:35)

Винера: Да, я к этому готова. Мы же пережили 90-е годы. Мне кажется, что хуже, чем в 90-е, мне кажется, не может быть.

Андрей Лошак: А сейчас получше, да?

Винера: Ну да, гораздо лучше. (Мешает кочергой угли в топке): Как только ты перестаёшь топить, вода охлаждается, возвращается обратно, и в доме опять становится холодно, поэтому топить надо безостановочно 24 часа в сутки. Утомительно становится, особенно с возрастом, хотя по дну Балтийского моря мимо нас идёт газ в Европу. Причём при этом у нас же горячей воды нет в городе. У нас же у всех бойлеры стоят. А тут с газом было бы ещё и газовый бойлер, то есть и бойлер грелся бы газом. Очень много удобства. Непонятно какой век в нашем городе.(24:31)

Рената: Когда я опять посмотрелась фоток, мне было так плохо, я написала маме, что я не особо вижу смысла жить, и ради чего, что меня никто не поддерживает, и от неё нет никакой поддержки. И всё это уже слишком далеко зашло, и я не понимаю, что делать. Ну, вот, и то, что я чувствую бессилие... Ну, и короче, я легла спать... с утра просыпаюсь, от мамы сообщение: «Я покупаю билеты и вылетаю к тебе». Ну, я ей позвонила и говорю: «Мама не надо вылетать. Я ещё не самоубиваюсь». Прекрасная цитата Шульман, которую я смотрю:«Главное, это не самоубиваться раньше времени». Это то, что я говорю себе каждый день, вот. «Нет», говорю, «мам не надо, ну, не надо вылетать и, если ты приедешь...», я говорю, «будет ещё хуже». Мама такая: «Тогда увольняйся с работы, отчисляйся, приезжай, буду тебя тут кормить, будешь жить дома». Я говорю и что, мы там с тобой поссоримся в первый день. И я точно вскроюсь там ещё, когда зайду домой. (1:10:40)

Винера (мама Ренаты): Она, ну, хороший человек, хорошая девочка. Она в школе училась хорошо, не потому что я её заставляла учиться. В десятом классе я ей сказала: «Зачем тебе, дочь, золотая медаль? Учись уже, как...», сейчас я успокоюсь... она сама захотела учиться на золотую медаль, сама старалась. Муж прав в том, что у неё обострённое чувство справедливости может быть, и, как я сказала, у неё нет полутонов. У неё вот чёрное, белое всё, и по другому она ничего не воспринимает. (1:11:28)

Андрей Лошак: Винера Ивановна, почему вы расплакались? Она жива, здорова...

Винера: Потому что какой-то больной вопрос. Понимаете, «Я всё равно уеду жить на запад», кому же она на этом западе будет нужна. Она настолько настроена против страны, что я этого даже, ну как бы, не понимаю. Поэтому я расстраиваюсь постоянно. (1:12:08)

Рената: Я думала, кстати, что я пойду гулять по Невскому... и я как-то гуляла и отправила ей видео, ну, как человека берут за ноги, за руки и тащат в автозак... я отправляю видео маме, и она, такая: «Он, наверно, террорист». Я, такая, говорю: «Нет, мам». Она такая: «Нет, это точно что-то с Америкой». И мне так, на самом деле, хотелось и хочется до сих пор, пойти, просто выйти с плакатом, чтоб меня повязали, я не знаю, чтобы я отсидела эти сколько-то суток. Я не знаю, вот интересно, тогда мои, там, бабушка, мама поверят, что обычные люди просто не могут так жить или нет. Ну, я просто не уверена, что после этого у неё откроются глаза. Я не знаю, я уже была готова к моменту, что я некоторое время не буду с ней общаться. Я хотела добавить её в чёрный список, но у меня не поднялась рука, если честно. (1:13:10)

Винера: Понимаете, она ещё сказала, что она не может нигде высказать своё мнение, не может выразить себя, поэтому она от этого сильно страдает. Почему я и согласилась пойти на интервью с вами, пусть ребёнок выскажется где-то. Может у него на душе станет легче. И, как-то, она займётся своими делами. Я ей так и сказала: «Занимайся повседневными делами, ходи на работу. Тебе, что нечем заняться? Зачем во всё это так тебе, в твоём возрасте, глубоко вникать? (1:13:42)

Рената: (детский врач, дочь Винера): Мама просто боится принять эту реальность, в которой она, кажется, не права, как многие люди, ей слишком больно, и, конечно, она тоже хочет меня спасти. «Не думай так, всё будет хорошо». Ну, а я уже не могу не думать так - я прозрела, я живу в этой реальности. Я не вижу тут ничего хорошего... я не знаю даже, хотела бы я, чтобы мама в своём возрасте увидела эту реальность. Ну, она, в любом случае в неё придёт сама рано или поздно. Я даже не могу представить, как я еду домой в гости, потому что мне противна лицемерно-мерзкая её позиция... (1:29:53)

Андрей Лошак: А, может быть, просто плюнуть на ваши убеждения и сделать вид, что ничего не было, просто ради того, чтобы мама была спокойна? (1:29:59)

Рената: Нет, я не буду на это плевать, если я наплюю, я наплюю просто на себя, и тогда я точно вскроюсь, ну, блин, я не могу так жить. Ну, я во что-то верю, я верю в людей, я очень люблю людей и детей. Я не хочу жить во лжи постоянно и притворяться, что всё нормально, когда это не так. (1:30:20)

Винера: Я вот общей картины-то не вижу. Я, просто, переживаю, страдаю из-за того, что гибнут мирные люди, гибнут дети, гибнут наши бойцы, и, будучи матерью, конечно, я за всё за это переживаю, не хуже своей дочери, не сплю, не ем - худею, как она сказала, из-за войны. (1:31:40)

Андрей Лошак: Так, может быть, если бы они туда не пошли, не начали эту военную операцию, все были бы живы? 1:31:45

Винера: Ну, понимаете, об этом сейчас говорить уже поздно. Всё должно быть доведено до какого-то логического окончания, наверно, чтобы было приемлемо и для нашей стороны... раз уж

всё это началось, я считаю, что память тех, кто погиб будет, как бы, уничтожена тогда... получается они погибали ни за что. 1:32:06

Андрей Лошак: А вдруг так и есть? 1:32:14

Винера: Ну, а вдруг так и есть - это очень горько и печально тогда будет. 1:32:16